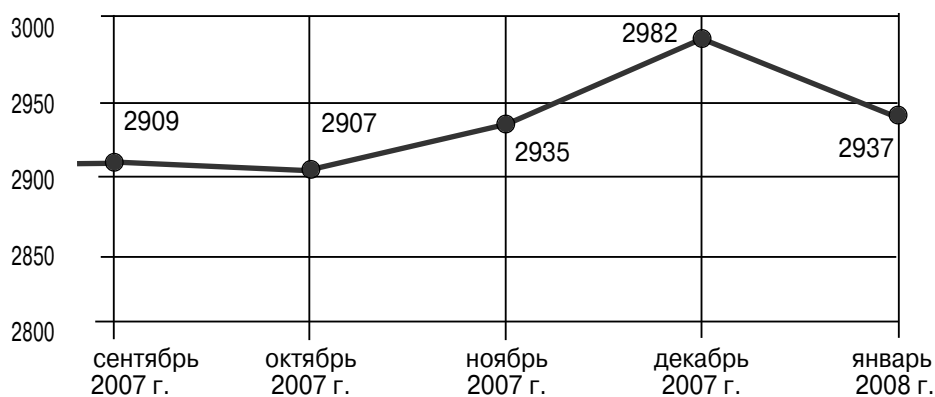

График 1. Индекс международной безопасности *iSi*
(ноябрь 2007 г. – январь 2008 г.)

- ➔ **ПОКАЗАТЕЛИ ИНДЕКСА *iSi* – УНИВЕРСАЛЬНОГО ИНДЕКСА
МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**
- ➔ **Юрий Федоров. ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ
ПОЛИТИКИ, ИЛИ ПРАВ ЛИ ФРИДРИХ НИЦШЕ?**
- ➔ **Дмитрий Евстафьев. ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ
СТАБИЛЬНОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА, ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ НА ВЗЛЕТЕ**
- ➔ **Мариан Абишева, Александр Савельев, Абдулазиз Сагер, Евгений
Сатановский, Чжие Цзи.
КОММЕНТАРИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЭКСПЕРТНОЙ ГРУППЫ**

Предваряя комментарии экспертов, мы начинаем *Обзор мировых процессов* за последние три месяца с представления результатов вычисления **универсального индекса международной безопасности *iSi*** (ай-си) – количественного интегрированного показателя состояния современного мира с точки зрения наличия или отсутствия угроз физической безопасности и экономическому благополучию граждан нашей планеты.

Индекс показывает, насколько уровень глобальной безопасности отличается от *идеального состояния*, которое по шкале *iSi* численно равно **4210** пунктам. Результаты ежемесячного измерения *iSi* публикуются на сайте ПИР-Центра. Выход очередного показателя Индекса сопровождается опросом Международной экспертной группы, в состав которой входят специалисты из России, Казахстана, Бразилии, Индии, КНР, США, Франции, Саудовской Аравии и других стран. Экспертные оценки, никак не влияя на вычисленную нами величину Индекса, позволяют проследить, как в различных регионах мира воспринимается изменение состояния безопасности.

Последние месяцы 2007 г. показали рост Индекса: по итогам ноября значение *iSi* составило 2935 пунктов, по итогам декабря – 2982. Несмотря на то, что в целом ряде конфликтных зон ситуация, как и в предыдущие месяцы, балансировала на грани перерастания во внутренний или международный военный конфликт, резких негативных сдвигов не произошло. Несколько снизилась острота иранской и еще более корейской проблемы. Однако события января 2008 г. привели к снижению Индекса до 2937 пунктов, наглядно продемонстрировав влияние развития внутривнутриполитической обстановки в отдельных странах на состояние региональной и глобальной безопасности.

- **Иран.** Два доклада: гендиректора МАГАТЭ Мохаммеда Эльбардея и Национального разведывательного совета США, – дали новые аргументы как выступающим за сохранение существующей линии международного сообщества в отношении Тегерана, так и сторонникам более жестких действий. Доклад МАГАТЭ сообщил, что Иран не отклоняется от заявленной ядерной деятельности, но остаются вопросы о природе и объемах ядерной программы. Согласно «Национальной разведывательной оценке» США, Иран остановил разработку ядерного оружия осенью 2003 г., однако может создать атомную бомбу в период между 2010–2015 гг. в случае возобновления работ в этой области. При том что угроза попытки военного решения проблемы снизилась, инцидент в Ормузском проливе 6 января 2008 г., когда иранские патрульные катера приблизились к военным кораблям США, показывает, что опасность прямого столкновения сохраняется.
- **Северная Корея.** Согласно договоренностям, достигнутым на шестисторонних переговорах в феврале и сентябре 2007 г., Северная Корея должна была до 31 декабря вывести из строя ядерные объекты в Йонбене и предоставить полную информацию о своих ядерных программах в обмен на экономическую и энергетическую помощь и нормализацию отношений с США и Японией. Однако к установленному сроку демонтаж объектов не был завершен, а соответствующая информация, по мнению США, не раскрыта. В то же время Вашингтон не снял с КНДР статус государства – спонсора терроризма и ограничения в торговле. Тем не менее, стороны не драматизируют ситуацию и продолжают переговоры по активизации процесса денуклеаризации Корейского полуострова.
- **Пакистан.** Несмотря на попытки властей стабилизировать ситуацию в стране, сохранив за собой власть, острая конфронтация исламистов, военных и гражданских *демократических* партий, сопровождаемая непрекращающимися террористическими актами, погружает страну в хаос. Действовавшее более месяца чрезвычайное положение, отставка Первеза Мушаррафа с поста главнокомандующего, переизбрание его президентом уже в гражданском статусе и назначение парламентских выборов на начало января не улучшили обстановку. Убийство бывшего премьер-министра страны и лидера Партии пакистанского народа Беназир Бхутто вы-

звало массовые волнения в стране и стало причиной очередного витка кризиса. Выборы в парламент перенесены с 8 января на 18 февраля 2008 г. Пакистан обладает ядерным оружием, угроза потери контроля над которым все больше тревожит мировое сообщество. В связи с этим проблема гражданского конфликта в этой стране приобретает глобальное измерение.

- ❑ **Ближний Восток.** Конференция в американском городке Аннаполисе, состоявшаяся 27 ноября, по мысли ее идеологов, должна была активизировать процесс палестино-израильского урегулирования. На встрече было объявлено о создании механизма мониторинга выполнения плана *дорожная карта*. Однако уже в день форума палестинские исламисты провели в Газе многотысячные демонстрации протеста против возобновления мирного диалога с Израилем. Иран не поддержал проведение конференции. Состоявшиеся к началу января два тура предварительных переговоров между палестинцами и израильянами пока не привели ни к какому результату. Боевики продолжают наносить ракетные удары из сектора Газа, а израильская армия проводить ответные карательные операции.
- ❑ **Россия-ЕС-США.** Россия и страны Запада не смогли не только выработать совместный подход, но и сблизить позиции по вопросам глобальной и европейской безопасности. Безрезультатно идет диалог по размещению элементов ПРО в Польше и Чехии, Россия приостановила свое участие в Договоре об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), не найдено взаимопонимание по реформированию Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). После истечения мандата *тройки* посредников и безуспешного завершения переговоров между Белградом и Приштиной представители стран ЕС и США в Совете Безопасности (СБ) ООН заявили, что переговоры по **Косово** в рамках СБ не увенчались успехом, и поэтому вопрос должен решаться под эгидой ЕС и НАТО.
- ❑ На **постсоветском пространстве** прошла череда выборов. Избрание нового состава Государственной Думы и поддержка В.В. Путиным кандидатуры Д.А. Медведева на пост президента, что стало известием, положительно воспринятым в мире, обещают сохранение преемственности и предсказуемости внешнеполитического курса России. Если результаты парламентских выборов в Киргизии и президентских в Узбекистане не изменили существенно состояние безопасности в Центральной Азии, то преодоление политического кризиса на Украине, завершившегося формированием кабинета министров во главе с Ю.В. Тимошенко, победа М.Н. Саакашвили на выборах президента Грузии и результаты референдума в этой стране, на котором более 60% проголосовавших выступили за вступление Грузии в НАТО, могут вызвать новые сложности в отношениях этих стран с Россией.
- ❑ Заметным событием стало принятие Конференцией ООН по вопросам изменения климата, проходившей на о. Бали, общей программы переговоров государств мира с целью принятия к 2009 г. нового международного документа по борьбе с изменениями климата, призванного заменить собой Киотский протокол.

ГЛАЗАМИ ЛИБЕРАЛА: ПРОКЛЯТЫЕ ВОПРОСЫ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ, ИЛИ ПРАВ ЛИ ФРИДРИХ НИЦШЕ?

Последние месяцы 2007 г. вряд ли войдут в историю как время глубоких перемен на международной арене. Происходившие в этот период события в очередной раз высветили своего рода *проклятые вопросы* мировой политики, в полной мере обозначившиеся после холодной войны. Так, обострение косовской проблемы вновь продемонстрировало глубокие противоречия в современном международном праве, включающем два несовместимых основополагающих принципа – территориальной целостности, с одной стороны, и права народов на самоопределение, с другой. Отказ России под-

держат независимость Косово наряду с мораторием на выполнение ДОВСЕ подхлестывает напряженность в отношениях России и Запада. А это, в свою очередь, стимулирует уходящие корнями в глубину веков представления, что Россия и Европа, а точнее – евроатлантическое сообщество демократических государств, обречены на конфронтацию в результате принципиальной цивилизационной несовместимости.

Убийство Беназир Бхутто, как считают многие, подтвердило популярное в последние годы соображение, что лишь жесткий авторитарный режим способен остановить рвущихся к власти экстремистов и обеспечить элементарную безопасность в большинстве исламских стран третьего мира. Однако динамика кризиса в Пакистане показывает, что авторитаризм, опирающийся на армейские круги, не в состоянии обеспечить экономическое процветание и политическую стабильность.

Вместе с тем в конце 2007 г. в мировой политике обозначились моменты, которые могут стать началом некоторых новых трендов. Конференция по Ближнему Востоку в Аннаполисе завершилась согласием израильского правительства и президента палестинской администрации Махмуда Аббаса заключить в 2008 г. мир и создать независимое палестинское государство. Сенсационной стала публикация аналитической записки американской разведки, в которой даны гораздо менее тревожные, чем ранее, оценки иранской ядерной программы. Быть может, это – симптом предстоящих изменений в подходе США к Ирану. В интервью, данном президентом В.В. Путиным американскому журналу *Тайм*, прозвучали нотки, которые, возможно, свидетельствуют об интересных новациях в российской внешнеполитической стратегии.

КОНФЕРЕНЦИЯ В АННАПОЛИСЕ

О том, что Ближний Восток является стержневым центром современной мировой политики, написано много тысяч страниц. Повторять изложенные в них аргументы нет необходимости, они известны и бесспорны. Не менее очевидно, что палестинско-израильский конфликт наряду с кровавым хаосом в Ираке и иранскими ядерными амбициями относится к ключевым источникам международной напряженности в регионе. Поэтому перспектива его смягчения, даже неясная, может внести серьезные изменения в ближневосточную геополитическую конфигурацию. Однако обозначилась такая перспектива после конференции в Аннаполисе в ноябре 2007 г. сколько-нибудь реально или нет? Этот вопрос вызывает серьезные споры.

Достигнутая в Аннаполисе договоренность включает в себя четыре основных момента. Во-первых, премьер-министр Израиля и президент палестинской администрации согласились «немедленно начать добросовестные переговоры с целью заключения в 2008 г. мирного договора и урегулирования всех нерешенных проблем, в том числе всех без исключения ключевых проблем, которые упомянуты в предыдущих соглашениях». Речь, естественно, идет о статусе Восточного Иерусалима, границах будущего палестинского государства, возвращении в Израиль нескольких миллионов палестинских беженцев, израильских поселений на Западном Берегу и некоторых других. Во-вторых, стороны обязались выполнить все свои обязательства, взятые в соответствии с *дорожной картой*, выработанной в 2003 г. *ближневосточным квартетом* и предусматривающей урегулирование конфликта путем создания независимого палестинского государства. В-третьих, должен быть создан постоянно действующий организационный комитет, возглавляемый главами израильской и палестинской делегаций, который должен выработать план действий, учредить рабочие группы по основным проблемам урегулирования и следить за их работой. В-четвертых, будет учрежден трехсторонний американо-израильско-палестинский механизм, возглавляемый США, который будет осуществлять выполнение *дорожной карты*. При этом США будут отслеживать и оценивать выполнение этой *карты* обеими сторонами¹.

Скептики немедленно заявили, что достигнутые в Аннаполисе договоренности практически бессмысленны, поскольку только что названные ключевые проблемы палестино-израильского урегулирования в обозримое время неразрешимы. А следовательно, переговоры, будь то под эгидой США или без оной, неизбежно зайдут в тупик. Вашингтон, иронизируют некоторые российские аналитики, в очередной раз продемонстрирует неспособность решать насущные проблемы современной международной безопасности. Ни израильское правительство, ни Махмуд Аббас и возглавляемая им ФАТХ не смогут, даже если захотят, отказаться от давно заявленных принципиальных позиций. Сделав это, они немедленно окажутся под огнем уничтожающей критики со стороны своих политических соперников и обрекут себя на катастрофическое поражение.

Вполне вероятно, что скептики правы. Но нельзя не видеть, что сегодня и израильское руководство, и ФАТХ как никогда ранее заинтересованы в нормализации ситуации и прекращении конфронтации и, следовательно, в успехе переговоров. Поэтому компромисс или некоторое неожиданное решение, выходящее за рамки устоявшихся представлений, возможны. Действительно, израильскому правительству очень пригодился бы прорыв в урегулировании конфликта с палестинцами, в частности, чтобы нейтрализовать тяжелый осадок, оставшийся в израильском обществе после войны с Хизбаллой летом 2006 г. Но важнее другое. В Израиле ширится понимание того, что продолжение противостояния с палестинцами бесперспективно и чревато периодическими обострениями, интифадами и другими террористическими проявлениями. Однако немало израильтян убеждены и, быть может, вполне справедливо, что любые соглашения и компромиссы с террористами, а в этом отношении репутация ФАТХ далеко не безупречна, бессмысленны и, более того, могут иметь весьма опасные последствия. Выжить во враждебном и агрессивном окружении, считают они, Израиль может, лишь опираясь на превосходящую военную силу и проводя эффективные контртеррористические операции.

 Мариан Абишева (Казахстан), заместитель директора по науке Казахстанского института стратегических исследований при президенте Республики Казахстан – по телефону из Астаны: Усиливается нестабильность на мировых финансовых рынках. Открыто говорят о возможном экономическом кризисе. Ноябрь был насыщен стихийными бедствиями, которые привели к большим жертвам и нанесли серьезный урон экономике и социальному благополучию людей во многих частях света. Именно поэтому я ожидала, что показатель станет ниже. Не уменьшилась и острота существующих политических конфликтов. Доклад разведки США по ядерной программе Ирана снижает накал этой проблемы, но сам Иран как был, так и остается угрозой в восприятии американцев.

Однако Махмуду Аббасу и возглавляемой им ФАТХ жизненно важно добиться весомого успеха с тем, чтобы восстановить свою репутацию в палестинском обществе, утвердить доминирующее положение в системе власти, ограничить влияние ХАМАС и, желательно, вообще отодвинуть его на далекую периферию политической жизни. Для Махмуда Аббаса и его сторонников ХАМАС более опасный враг, чем Израиль, поскольку может прийти к власти, взять в свои руки контроль за распределением финансовых средств, поступающих палестинской администрации в виде помощи из-за рубежа, и даже расправиться с нынешней палестинской верхушкой. Поэтому Махмуд Аббас и ФАТХ могут пойти на серьезные уступки, если они помогут им представить себя в качестве единственной международно-признанной силы, способной добиться конкретных результатов, отвечающих подлинным, а не идеологически мотивированным, вроде требования о возвращении беженцев, интересам палестинцев. В какой-то мере Махмуд Аббас уже упрочил свое положение. Отказавшись приехать в Аннаполис,

лидеры ХАМАС и их иранские патроны наглядно продемонстрировали нежелание участвовать в поисках политического решения и фактически противопоставили себя международному сообществу, в том числе большинству ближневосточных государств. Это, естественно, снижает их влияние на региональные процессы.

Сегодня невозможно предугадать параметры гипотетического компромисса между Израилем и палестинцами, если, конечно, такой компромисс вообще будет достигнут. Но один из теоретически допустимых вариантов заключается в том, чтобы для начала договориться о создании палестинского государства и отложить на будущее, на самом деле на неопределенно долгий срок, проблемы, которые решить к концу 2008 г. не удастся. Несмотря на кажущуюся фантастичность, это может устроить обе стороны. Махмуд Аббас и ФАТХ могут торжественно объявить, что наконец-то сбылась вековая мечта палестинского народа: он обрел свое собственное независимое государство. На какое-то время палестинское общество действительно может поддаться эйфории и признать, что ФАТХ одержал выдающуюся победу, особенно если это будет подкреплено существенным увеличением финансовой помощи из-за рубежа, например, из США. Палестинская бюрократия и деловые круги устали от конфронтации с Израилем и неопределенного статуса палестинских территорий. Это мешает им реализовывать свои насущные интересы. Израилю, в свою очередь, такая схема позволит переложить тяжесть борьбы с палестинскими экстремистами на плечи правительства нового государства, заморозить на неопределенный срок проблему Восточного Иерусалима и возвращения беженцев, хотя, по-видимому, придется вывести поселения с Западного Берега и найти какое-то решение вопроса о границах. «Борьба за освобождение оккупированных территорий» – главный лозунг и оправдание палестинского терроризма – потеряет смысл, поскольку самих оккупированных территорий больше не будет. Следовательно, в глазах мирового общественного мнения палестинские экстремисты окажутся именно теми, кем они были на протяжении всего предшествующего времени, – обыкновенными террористами.

Наконец, нет сомнений, что конференция в Аннаполисе стала крупным успехом США. И причина тому не только в профессиональном мастерстве Кондолизы Райс и ее сотрудников. Фактически на международном уровне было признано, что если какая-то страна и может сдвинуть процесс ближневосточного урегулирования с мертвой точки, то это – Соединенные Штаты. Но если переговоры провалятся, то престиж Вашингтона на Ближнем Востоке и его влияние на мировую политику будут заметно подорваны.

ЦРУ – ТЕГЕРАН: ПРИГЛАШЕНИЕ К ТАНЦУ?

После публикации аналитической записки американской разведки «Иран: намерения и возможности в ядерной области» многие комментаторы, видимо, не прочитав толком этот любопытный документ, поспешили заявить, что даже ЦРУ вынуждено теперь признать отсутствие у Ирана намерений создать ядерное оружие². Это ставит два вопроса: что, собственно, написано в записке, подготовленной американским Национальным советом по разведке? Почему этот документ, по сути своей, весьма конфиденциальный, был сделан достоянием широкой общественности?

Выводы американского разведывательного сообщества сводятся к следующему. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что вплоть до осени 2003 г. в Иране велись работы по созданию ядерного оружия. Осенью 2003 г. они были прекращены и не возобновлялись, по крайней мере, до середины 2007 г. Предполагается, что решение об их остановке было результатом международного давления и что Иран оказался более чувствительным к такому давлению, чем это считалось ранее. Со средней степенью уверенности американское разведывательное сообщество полагает, что в настоящее время Иран не имеет ядерного оружия. Вместе с тем иранские учреждения продолжают работу по созданию технических предпосылок для производства ядерного оружия, если будет принято соответствующее решение.

В упомянутой аналитической записке говорится, что Иран продолжает усилия по обогащению урана с помощью каскада центрифуг в Натанзе, хотя и сталкивается там с серьезными техническими проблемами. Указывается, что Иран сможет произвести количество высокообогащенного урана (ВОУ), достаточное для изготовления ядерного оружия (видимо, всего одного боеприпаса), не ранее конца 2009 г., хотя это крайне маловероятно. Со средней степенью уверенности предполагается, что Иран сможет выработать необходимое для создания ядерного оружия количество ВОУ в 2010–2015 гг. С высокой степенью уверенности американские разведывательные ведомства утверждают, что Иран «обладает научными, техническими и производственными возможностями для производства со временем ядерного оружия, если решит это сделать»³.

Если оценить эти выводы с технической точки зрения, то основания для чрезмерного оптимизма не просматриваются. Для создания ядерного оружия требуется решить две группы проблем. Прежде всего, надо произвести достаточное количество *ядерной взрывчатки*, то есть либо ВОУ, либо оружейного плутония. Кроме того, нужно изготовить ядерный боеприпас. Для этого требуется сконструировать и собрать комплекс механических и электронных устройств, а также определить количество, конфигурацию и другие параметры обычного взрывчатого вещества, необходимые для формирования критической массы и инициирования цепной реакции. Если ядерное оружие создается на основе ВОУ, то формирование критической массы – задача технически сравнительно простая, особенно если речь идет о наиболее примитивной, так называемой *пушечной схеме* ядерного боеприпаса.

Поскольку американские разведывательные ведомства не отрицают – да и не могут отрицать – хорошо известный факт, что в Иране ведется обогащение урана, то утверждение о прекращении работ по созданию ядерного оружия означает на деле, что остановлено создание устройств для формирования критической массы, то есть собственно ядерного боеприпаса. Возможно, что такие устройства к осени 2003 г. в Иране уже были созданы, а может быть, что более вероятно, иранские ученые и инженеры пришли к выводу, что их можно изготовить в сравнительно короткое время, как только будет получено достаточное количество ВОУ. Иными словами, в техническом отношении были переоценены только сроки, когда Иран сможет создать ядерное оружие, или, если быть абсолютно точным, технические предпосылки для скорейшего начала его производства. Если ранее предполагалось, что это произойдет до конца нынешнего десятилетия, то сейчас считается, что Иран может обрести ядерный потенциал в 2010 – 2015 гг.

Гораздо более важным является политический вывод. В записке Национального совета по разведке говорится: «Решения Тегерана [в ядерной области. – Ю.Ф.] принимаются скорее на основе анализа плюсов и минусов, чем в результате стремления к ядерному оружию любой ценой, независимо от политических, экономических и военных издержек. Это, в свою очередь, предполагает, что интенсивные международное давление и инспекции вместе с предоставлением Ирану возможностей обеспечить свою безопасность, престиж и влияние в регионе другим образом [чем с помощью ядерного оружия. – Ю.Ф.] подвигнут Тегеран к продлению нынешнего прекращения военной ядерной программы, если это будет воспринято иранскими лидерами как заслуживающее доверия»⁴.

По сути дела, Тегерану предложена сделка. Во-первых, ясно дано понять, что в ближайшее время военная операция против Ирана не планируется, поскольку для нее пока нет весомых оснований. Во-вторых, судя по всему, Ирану предлагается назвать условия, на которых он согласится отказаться от разработки ядерного оружия или, по крайней мере, заморозить соответствующие работы на неопределенный срок. Именно это имеется в виду, когда говорится о «предоставлении Ирану возможностей обеспечить свою безопасность, престиж и влияние в регионе другим образом». Естественно, возникают вопросы: реально ли заключить с Тегераном какую-либо сделку, предполагающую отказ от ядерного оружия? И зачем вообще это может понадобиться Вашингтону?

Публикация аналитической записки «Иран: намерения и возможности в ядерной области» вызвала, естественно, острые споры в политических и академических кругах. Немало комментаторов, в том числе в США, расценили ее как ошибочный ход, укрепляющий позиции иранского президента Махмуда Ахмадинежада. Но есть и другая точка зрения. Военная угроза со стороны США является одним из основных, если не самым главным, факторов мобилизации иранского общественного мнения в пользу экстремистской линии нынешнего президента и поддерживающей его группировки в высшей религиозной иерархии. Исчезновение или заметное снижение этой угрозы, возможно, сыгрывает решающую роль в предстоящих в 2009 г. в Иране президентских выборах, поскольку на первое место в предвыборной борьбе выйдут не вопросы внешней безопасности, а экономические провалы.

Действительно, не далее как летом 2007 г. большая группа ведущих иранских экономистов обвинила Махмуда Ахмадинежада в том, что десятки миллиардов долларов в год, получаемые Ираном от экспорта нефти, тратятся впустую, что дирижистская экономическая политика правительства провоцирует растущую инфляцию и ухудшение положения населения. Официально признанная инфляция достигла 14,2%, хотя независимые эксперты оценивают ее в 30%, а уровень безработицы составляет 30%, несмотря на уверения властей, что он не превышает 10%⁵. Это резко контрастирует с предвыборными обещаниями нынешнего президента, который во всеуслышание заявлял в 2005 г., что доходы от продажи нефти позволят ликвидировать нищету и безработицу.

Александр Савельев (Россия), заведующий отделом стратегических исследований центра международной безопасности ИМЭМО РАН – по телефону из Москвы: Первая болевая точка – это Иран и его ядерная программа. Очередной доклад генерального директора МАГАТЭ Мохаммеда Эльбарадея, как и выход в начале декабря доклада Национального разведывательного совета США, явно положительно повлияли на обстановку вокруг Ирана и позитивно отразились на Индексе. Вторая болевая точка – это Северная Корея, где продолжается разрешение ядерного вопроса, что также поддерживает рост Индекса.

Таким образом, возможность, пусть теоретическая, ирано-американской сделки по ядерной проблеме существует. А если она состоится, то может не только привести к отмене экономических санкций против Ирана, но и стать началом его сближения с США, или Западом в целом, особенно если новое руководство в Тегеране будут представлять так называемые умеренные религиозные круги и прозападные элементы бизнес-элиты. Такое сближение приведет к принципиальной перестройке всей системы региональных стратегических отношений, в том числе ослаблению и изоляции там леворадикальных и фундаменталистских кругов, подтолкнет Сирию и палестинцев к подлинному урегулированию с Израилем, откроет путь к реализации трубопроводных проектов, связывающих Каспийский бассейн и Среднюю Азию со странами Индостанского полуострова и т.д.

Разумеется, этот сценарий – лишь один из нескольких вариантов развития событий в зоне *Большого Ближнего Востока*. Вполне возможно, что Тегеран выдвинет заведомо нереалистичные условия прекращения своих ядерных усилий, например, требование ядерного разоружения Израиля, свертывания американского военного присутствия в районе Персидского залива и т.п. Нельзя также исключать, что Махмуд Ахмадинежад и в самом деле сможет интерпретировать намеки Центрального разведывательного управления США как собственную победу, укрепит свои позиции внутри страны, продолжит нынешнюю одиозную и опасную внешнюю политику и практически подойдет к обретению ядерного оружия. Но в этом случае ничего не мешает США вернуться к жесткой силовой стратегии в отношении Ирана вплоть до применения военной силы.

ПАКИСТАН ПОСЛЕ БХУТТО

Убийство 27 декабря 2007 г. Беназир Бхутто, самой яркой, харизматической и одновременно далеко не однозначной фигуры на сегодняшней политической сцене Пакистана, обозначило начало нового этапа в эскалации кризиса в стране, обладающей ядерным оружием и занимающей ключевое положение в стратегическом треугольнике между Персидским заливом, Афганистаном и Индией.

Можно предположить, что покушение было организовано *Аль-Каидой* или другими террористическими исламскими группировками. Беназир Бхутто не раз заявляла о своей решимости ужесточить борьбу с исламистскими организациями. В частности, незадолго до своей гибели она упомянула о том, что если придет к власти, то разрешит силам международной коалиции, действующим в Афганистане, наносить авиационные удары по отрядам талибов и укрытиям *Аль-Каиды*, находящимся в пограничных с Афганистаном районах Пакистана. Впрочем, нельзя исключать, что за этим убийством стоят те или иные группировки в пакистанских спецслужбах, армейских кругах или в окружении президента Первеза Мушаррафа. Но сколь бы ни был интересен для широкой публики вопрос об организаторах покушения, гораздо более важными являются две других проблемы: не придут ли к власти в Пакистане исламские экстремисты, получив в результате в свои руки несколько десятков ядерных боеприпасов? И не является ли жесткий авторитарный режим единственно возможной альтернативой исламистам?

Ответ на второй вопрос заведомо отрицательный. Генерал Первез Мушарраф, пришедший к власти в Пакистане в 1999 г. в результате военного переворота, так и не смог подавить действующие там многочисленные исламские экстремистские организации и ликвидировать террористическую инфраструктуру, в том числе поставить под правительственный контроль религиозные школы – медресе, многие из которых являются пропагандистскими и вербовочными центрами исламских экстремистов. Именно с Пакистаном связаны многие из исламистских групп, устраивающих в Европе террористические акты. *Зона племен*, протянувшаяся вдоль границы с Афганистаном, находится практически вне контроля центрального правительства, там свободно действуют отряды талибов и ячейки *Аль-Каиды*. Да и в других районах страны режим, по сути дела, борется лишь с *Аль-Каидой* и другими экстремистскими группировками, которые бросают ему открытый вызов и пытаются захватить власть. Последние, в частности, учинили летом 2007 г. беспорядки вокруг так называемой Красной мечети. Исламские экстремистские настроения характерны для значительной части офицерского корпуса пакистанской армии и спецслужб, особенно Межведомственной разведывательной службы, возможно, самой мощной разведки в регионе.

Пакистанский режим не смог предотвратить политический кризис, достигший в конце 2007 г. весьма опасных масштабов. Более того, превращение вооруженных сил в главную опору власти стало одной из причин этого кризиса. Пакистанский генералитет и высшее офицерство оказались во главе большинства государственных и полугосударственных предприятий, заняли многие ключевые посты в центральных и провинциальных органах власти. Их некомпетентность и коррумпированность вызвали серьезные экономические трудности и, естественно, недовольство населения. Рейтинг президента Первеза Мушаррафа упал в 2007 г. до 20%⁶. Режиму противостоят, с одной стороны, наиболее радикальные, джихадистские исламистские силы, озлобленные сотрудничеством правительства с США и международной коалицией, действующей в Афганистане, а с другой – светская оппозиция, опирающаяся на большую часть среднего класса, предпринимательские слои, интеллигенцию и другие круги, добивающиеся модернизации страны и раздраженные доминированием военных. Их лидерами были два бывших премьер-министра – Беназир Бхутто и Наваз Шариф, сброшенный генералом Первезом Мушаррафом в 1999 г. в результате военного переворота.

Кризис резко обострился в марте 2007 г. Его началом стало увольнение в отставку Верховного судьи Ифтихара Мохаммада Чоудхри. Смысл этого шага состоял в том, чтобы обеспечить полную лояльность Верховного суда накануне выборов президента,

парламента и законодательных органов провинций (ассамблей), которые были намечены на конец 2007 г. и начало 2008 г. Вопреки пакистанскому законодательству Первез Мушарраф добивался того, чтобы выборы президента состоялись до выборов в парламент и провинциальные законодательные органы. Суть в том, что президент Пакистана избирается не всеобщим голосованием, а коллегией выборщиков, состоящей из членов Сената, Национальной Ассамблеи и провинциальных ассамблей. Если бы выборы президента состоялись после выборов в парламент, как это и полагается по закону, Первез Мушарраф, по всей вероятности, не был бы избран президентом, поскольку две ведущие оппозиционные партии, возглавляемые Беназир Бхутто и Навазом Шарифом, скорее всего, получили бы большинство в парламенте и провинциальных ассамблеях. Кроме того, опять-таки вопреки закону, Первез Мушарраф стремился совместить два поста – президента Пакистана и командующего вооруженными силами.

Замена Верховного судьи и другие политические манипуляции властей вызвали острое недовольство в пакистанском обществе, надеявшемся на смену руководства демократическим путем в результате парламентских выборов. Резко активизировались оппозиционные силы и настроения. Масла в огонь подлили беспорядки вокруг Красной мечети, организованные наиболее радикальными исламистскими противниками режима. Высшие судебные инстанции Пакистана отказались признать законным увольнение И.М. Чоудхри, и 20 июля 2007 г. он был восстановлен в должности Верховного судьи. Перед Первезом Мушаррафом все более отчетливо вырисовывалась весьма рискованная и неприятная альтернатива – либо потерять власть, либо отменить выборы и остановить действие конституции, то есть фактически совершить новый государственный переворот.

Но был и другой путь – договоренность между Первезом Мушаррафом и светской оппозицией, прежде всего, Беназир Бхутто и возглавляемой ею Пакистанской народной партией (ПНП). Это могло бы расширить базу режима и снизить накал страстей в политической активной части пакистанского общества. На этом варианте настаивали США. Видимо, в Вашингтоне не видели иной возможности сохранить Первеза Мушаррафа у власти, не допустить прекращения поддержки Пакистаном операций международной коалиции в Афганистане и одновременно стабилизировать положение в стране, предотвратив введение в Пакистане чрезвычайного положения и приостановки действия конституции. Трудно сомневаться в том, что ликвидация немногих сохранившихся в Пакистане демократических процедур и установление жесткого авторитарного режима могут лишь на короткое время предотвратить эскалацию кризиса с трудно предсказуемыми последствиями.

Соглашение между Беназир Бхутто и Первезом Мушаррафом было заключено летом 2007 г. в ходе встречи в ОАЭ. Скорее всего, они договорились о разделе власти, детали которого до сих пор остаются секретными. Известно лишь, что помимо всего прочего Беназир Бхутто потребовала от Первеза Мушаррафа отказаться от совмещения постов президента и командующего вооруженными силами. Развитие событий в сентябре – октябре 2007 г. дает основания предполагать, что Беназир Бхутто согласилась с избранием Первеза Мушаррафа президентом до парламентских выборов в обмен, видимо, на какой-то высокий пост, быть может, должность премьер-министра.

Действительно, 18 сентября 2007 г. было официально объявлено, что если Первез Мушарраф будет избран президентом, он откажется от поста командующего вооруженными силами. 5 октября 2007 г. были отменены обвинения в коррупции против Беназир Бхутто. Она получила юридическую возможность вернуться в страну, не рискуя вновь оказаться за решеткой. На следующий день, 6 октября, коллегия выборщиков подавляющим большинством голосов избрала Первеза Мушаррафа президентом, но для утверждения в этом качестве Первез Мушарраф должен был получить согласие Верховного суда. 18 октября 2007 г. Беназир Бхутто возвратилась в Пакистан. Ее восторженно встретили многотысячные толпы сторонников.

Теоретически выход из кризиса мог бы быть найден в результате признания последних президентских выборов незаконными, отмены их результатов и проведения новых, на демократической основе. При этом, как считают многие эксперты, экстремистские группировки вряд ли могут прийти к власти. Так, по данным Международной группы по разрешению кризисов, в 1990-е гг. исламистские партии не могли набрать более 8% голосов. Даже в 2002 г., когда результаты выборов считались подтасованными, а исламисты пользовались поддержкой военных, они получили всего 11% голосов, тогда как ПНП завоевала 25%⁸. Однако демократические выборы означают, что значительная часть нынешней пакистанской верхушки, тесно связанная с армией, должна будет отказаться от власти, связанных с ней экономических привилегий и, возможно, попасть под суд за коррупцию.

Таким образом, можно ожидать, что политический кризис в Пакистане будет углубляться. Предугадать его исход весьма трудно, если вообще возможно. Но нельзя исключать, что исламистские экстремистские группировки захватят власть не в результате выборов, но в итоге нарастающего хаоса. После убийства Беназир Бхутто такая перспектива оказалась мыслимой. Неслучайно в самом конце декабря 2007 г. в прессе появились очередные сообщения о существующих в США планах захвата пакистанского ядерного оружия, если возникнет реальная опасность, что оно попадет в руки джихадистов⁹.

ВВЕРХ ПО ЛЕСТНИЦЕ, ВЕДУЩЕЙ ВНИЗ

Люди моего поколения помнят роман американской писательницы Белл Кауфман «Вверх по лестнице, ведущей вниз». Сегодня его название вполне применимо к отношениям между Россией и западными демократиями. Действительно, термин *вторая холодная война* все чаще появляется в средствах массовой информации и аналитических разработках экспертов.

12 декабря 2007 г. Россия, как и ожидалось, объявила мораторий на выполнение ДОВСЕ. Скорее всего, это означало, что Москва предельно раздражена характером нынешних отношений с Западом, прежде всего, нежеланием США, Польши и Чешской Республики отказаться от планов создания третьего позиционного района ПРО в Центральной Европе, и готова перейти от слов к делу. Но тех целей, ради которых и предпринимался этот шаг, каковы бы они ни были, Россия не достигла. НАТО не приняла, да и не могла принять условий, на которых Россия соглашалась сохранить ДОВСЕ. Вашингтон, Варшава и Прага не отказались от намерения развернуть третий позиционный район ПРО. Следовательно, может возникнуть искушение сделать еще один шаг, продвигнуться еще выше по лестнице эскалации напряженности. Видимо, не случайно высшее командование российских вооруженных сил регулярно заявляет о планировании *адекватных асимметричных мер* в ответ на развертывание американских средств ПРО в Чехии и Польше, упоминая, помимо всего прочего, нацеливание российских ракет на объекты американской ПРО в Европе.

Рано или поздно такая линия приведет к тому, что Запад, прежде всего США и НАТО, предпримет свои *адекватные ответные меры*, симметричные или асимметричные, и нарастание напряженности, прежде всего, в южной части Балтийского региона, где проходит основная линия соприкосновения вооруженных сил России и стран – членов НАТО, может выйти из-под контроля. Более того, может начаться *вторая холодная война* со всеми вытекающими из этого тягостными последствиями для России. Об этом я писал в предыдущем номере *Индекса Безопасности* и не думаю, что нужно повторять еще раз высказанные там аргументы.

Фактическое разрушение ДОВСЕ само по себе не изменило ни соотношения военных сил, ни другие аспекты стратегической ситуации в восточной части Европейского континента. Крах этого договора пока не угрожает безопасности государств – членов НАТО. Сегодня наиболее острая проблема в отношениях России и Запада связана с будущим

Косово. В истории уже не раз бывало, что на Балканах возникали очаги напряженности и конфликтов, приводящие к общеевропейским столкновениям и войнам. Нельзя исключать, что и на сей раз противоречия между Россией и Западом по поводу Косово будут иметь последствия, далеко выходящие за рамки региона. Действительно, отказ Москвы поддержать независимость Косово или, по крайней мере, не препятствовать этому создает реальные трудности для США и Европейского Союза.

КОСОВО: ТЛЕЮЩИЙ ЗАПАЛ У БОЧКИ С ПОРОХОМ

Ситуация в Косово подошла к опасной черте, что вынужден был признать даже Генеральный секретарь ООН Пан Ги Мун. В его последнем докладе, опубликованном 3 января 2008 г., ясно говорится: «В Косово сохраняется высокий уровень ожиданий в отношении того, что будущий статус Косово должен быть определен в сжатые сроки. Статус-кво как таковой едва ли будет устойчивым. Если тупиковая ситуация будет сохраняться, события на местах могут обрести свою собственную динамику, ставя под серьезную угрозу достижения и наследие Организации Объединенных Наций в Косово.... Неопределенность и утрата поступательной динамики в развитии процесса определения будущего статуса могут породить угрозу нестабильности не только в Косово,

 Абдулазиз Сагер (Саудовская Аравия), председатель Исследовательского центра Залива – по электронной почте из Дубаи: Основные игроки на международной арене не предприняли ничего, что могло бы сделать климат безопасности более благоприятным. Я не думаю, что уровень глобальной безопасности в этом году значительно улучшился. На безопасность на Ближнем Востоке продолжают негативно влиять озабоченность вокруг ядерной программы Ирана и заявления лидеров этой страны о развитии ракетных технологий и способности нанести ответный удар. На первый взгляд, снижение уровня насилия в Ираке можно рассматривать как положительный фактор, хотя я не думаю, что это долгосрочный процесс, ведущий к улучшению состояния безопасности в регионе.

но и в более широком регионе»¹⁰. Округлый дипломатический термин «неопределенность будущего статуса» Косово означает на деле затягивание предоставления независимости этому краю. Подавляющее большинство населения Косово, косовские албанцы, все более настойчиво требуют независимости, причем не только в силу идеологических соображений или воспоминаний о репрессиях и этнических чистках, учиненных режимом Слободана Милошевича, но и результате вполне практических экономических резонансов. Независимое государство может получить гораздо большую финансовую и иную помощь от международных организаций, добиваться вступления в ЕС и т.д. Белград, со своей стороны, категорически отрицает саму идею независимости, предлагая Косово взамен некую *широкую автономию*.

Не верить Генеральному секретарю ООН нет оснований. Действительно, нынешняя ситуация в Косово и вокруг него чревата *угрозой нестабильности* в регионе, а если называть вещи своими именами – новым конфликтом на Балканах. Для европейцев и США это будет означать, что в дополнение к

иранской, иракской, афганской и прочим малоприятным проблемам возникнет еще одна, причем уже на территории Европы. Избежать этого можно двумя путями: либо признать независимость Косово, приняв соответствующую резолюцию Совета Безопасности (СБ) ООН, либо признать ее односторонним образом, на основе национальных решений тех или иных государств. И тот, и другой вариант, разумеется, приведут к всплеску негодования в Сербии. Но у Белграда нет сил для того, чтобы развязать новую войну, а политические и дипломатические шаги, которые Белград угрожает принять против го-

сударств, признающих независимость Косово, например, разорвать с ними дипломатические отношения, немедленно обернутся против самой Сербии. Рано или поздно сербской политической элите придется де-факто смириться с потерей Косово, а если этого не произойдет, то Сербия не выйдет из политической и экономической изоляции, в которую она сама себя может поставить. Но в международно-правовом плане признание независимости Косово без отмены резолюции 1244 СБ ООН, принятой в 1999 г., будет ущербным. В частности, новое государство не может быть принято в ООН и организационной системе ООН. Могут возникнуть трудности с получением экономической помощи и т.п.

Отменить резолюцию 1244 может только СБ. Россия же неоднократно заявляла, что наложит вето на любые попытки принять в СБ решение, приводящее к независимости Косово. Позиция российского МИДа малопонятна. С одной стороны, признается, что переговоры при посредничестве *тройки* в составе ЕС, России и США оказались бессмысленными. Сближить позиции Белграда и Приштины в настоящее время невозможно. Однако, утверждают российские дипломаты, переговоры нужно продолжать, причем не ставя каких-либо временных пределов. Другими словами, предлагается сохранить нынешний неопределенный статус Косово. Утверждается, что одностороннее предоставление независимости приведет к дестабилизации края и подхлестнет сепаратистские настроения в других районах мира.

Теоретически с первым аргументом можно было бы и согласиться. Конечно же, решение конфликтной проблемы, найденное в процессе переговоров, предпочтительнее. Но это – теория. А в конкретной обстановке, сложившейся сегодня в Косово и вокруг него, которая, несомненно, хорошо известна специалистам российского МИДа, именно замораживание ситуации приведет к взрыву. Второй аргумент серьезнее. Действительно, сепаратистские движения и группировки, которых в современном мире немало, могут использовать независимость Косово в пропагандистских целях. Однако в отличие от англо-саксонского международного права не имеет прецедентного характера. Поэтому в юридическом отношении предоставление независимости Косово не может служить основанием для предоставления независимости Абхазии, Приднестровью, стране басков и кому бы то ни было другому. Кроме того, сепаратистские группировки убеждены в том, что соответствующие территории имеют право на независимость без какой-либо связи со статусом Косово. В Сухуми, например, считают, что Абхазия стала независимой в начале 1990-х гг., за несколько лет до обострения косовского конфликта.

Далее, как уже говорилось, международное право включает в себя два несовместимых принципа – право на самоопределение и сохранение территориальной целостности. Каких-либо общих норм, предопределяющих, в каком случае действует первый принцип, а в каком – второй, нет, но в качестве международной инстанции, имеющей легитимное право решать такие вопросы, выступает СБ ООН. Но если СБ не может принять вразумительного решения, то оно будет принято вне его рамок. Поэтому, блокируя одобрение плана Марти Ахтисаари, российский МИД подрывает эффективность СБ, что никак не отвечает интересам России как его постоянного члена.

Наконец, конфликт в Косово, который, в конце концов, привел к нынешней ситуации, был в свое время порожден попыткой Белграда отменить автономию края, а затем – этническими *чистками* и репрессиями против косовских албанцев. Возникает вопрос: имеет ли Белград моральное право навязывать международному сообществу свои условия решения косовской проблемы, несмотря на то, что именно сербский режим Слободана Милошевича породил эту проблему и только в результате проигранной войны был вынужден прекратить этнические *чистки* и согласиться с выводом своих войск из Косово? Из этого должны быть сделаны выводы: если то или иное правительство сталкивается с этническими проблемами и этническим сепаратизмом или ирредентизмом, нельзя обострять ситуацию репрессиями против населения и поддаваться на провокации сепаратистов, которые стремятся сделать это население заложником в конфликте с властью.

ВЛАДИМИР ПУТИН: ЕСТЬ НЕЧТО «ОБЪЕКТИВНОЕ, ЧТО НАС В ТРУДНЫЕ ВРЕМЕНА ВСЕГДА ОБЪЕДИНЯЕТ» С США

Выход из ДОВСЕ, противодействие независимости Косово, недвусмысленные угрозы военного командования предпринять «ответные меры» в случае развертывания элементов американской ПРО в Европе представляют собой узловые точки начинающегося противостояния России и Запада, прежде всего с США. Однако в середине декабря 2007 г. президент В.В. Путин обозначил некоторые новые моменты в российском подходе к отношениям с Соединенными Штатами.

В интервью, данном журналу *Тайм*, он, в частности, высоко оценил роль президента Джорджа Буша в проведении конференции в Аннаполисе. «Я глубоко убежден, – сказал В.В. Путин, – что президент Буш взял на себя огромную ответственность, взял на себя большую, причем личную, нагрузку – и я хочу его с этим поздравить. Я думаю, что он не зря рискнул. Это серьезный шаг в решении одного из самых сложных, самых острых и застарелых вопросов в международной жизни – в урегулировании на Ближнем Востоке. Мы со своей стороны сделаем и делали уже все для того, чтобы поддержать его, и сделаем все для того, чтобы и дальше работать совместно именно в таком же режиме»¹¹. Не менее показательным заявлением В.В. Путина относительно ситуации в Ираке. Хотя он и охарактеризовал войну в Ираке как ошибку, но подчеркнул: «...Сейчас мы должны меньше говорить о том, что было сделано правильно или неправильно. Я не думаю, что это поможет в решении сегодняшней ситуации. ... В целом я согласен с президентом Бушем, ... что нужно сделать все для того, чтобы иракские власти были в состоянии решать проблемы безопасности как минимум самостоятельно. Нужно помочь им создать собственную армию, собственную службу безопасности, полицию – и передать иракскому народу вопросы этого порядка»¹². Но еще более интересна его характеристика Джорджа Буша. «Я не согласен с теми и у нас в стране, и в Америке, – сказал В.В. Путин, – кто отказывает Бушу в порядочности, в честности, даже в компетентности. Да, мы все совершаем ошибки. Я считаю, что, допустим, с Ираком была допущена ошибка. Но это человек с большим опытом: и жизненным, и государственным – и все, что он делает, безусловно, направлено на защиту интересов Соединенных Штатов»¹³.

Можно приводить и другие моменты этого интервью, свидетельствующие о том, что Кремль хотел бы прекратить политическую полемику с Вашингтоном, более того, готов сотрудничать с США в решении проблем, создающих самые большие трудности для американской внешней политики. Так, президент России не упомянул ни развертывание американской противоракетной системы в Европе, ни ДОВСЕ, ни независимость Косово, иными словами, самые острые вопросы, вызывающие сложности в отношениях с Западом, которые старательно муссируют российские дипломаты и военные. В качестве условия сотрудничества с США президент России требует, по сути дела, только одного – прекращения внешнего вмешательства во внутренние дела России. Иными словами, ключевые акценты в этом интервью расставлены совершенно иначе, чем, например, в мюнхенской речи В.В. Путина, которую наблюдатели сравнили со знаменитой фултонской речью Уинстона Черчилля, ставшей, как часто полагают, объявлением первой холодной войны. Тем не менее, подводя итоги 2007 г., российский министр иностранных дел С.В. Лавров включил мюнхенскую речь первым пунктом в пятерку самых важных внешнеполитических событий 2007 г. наряду с действиями России по ДОВСЕ, разногласиями по американской ПРО в Европе и по Косово, а также ситуацией вокруг Ирана.

НОВАЯ ЭПОХА БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКИ?

Фридриху Ницше принадлежит малоизвестное, но, на самом деле, пророческое предвидение будущего как периода невиданных потрясений. «... Ибо когда истина вступит в борьбу с ложью тысячелетий, – писал он, – у нас будут потрясения, судороги землетрясений, перемещение гор и долин, какие никогда не снились. Понятие политики совершенно растворится в духовной войне, все институты власти старого общества взле-

тят в воздух, ибо все они покоятся на лжи. Будут войны, каких еще никогда не было на земле». И тогда наступит эпоха *большой политики*.

И, действительно, XX в. запомнится нынешним и будущим поколениям как время невиданных войн. Препрежние политические структуры, хотя и не все, были взорваны. Политика в ее классическом понимании растворилась в идеологической борьбе. Прекращение холодной войны, как казалось, завершило эпоху *большой политики*. Сегодня, однако, этот оптимистический вывод вызывает все больше сомнений. Вновь и вновь возникают вопросы: что есть *истина* и что есть *ложь тысячелетий*? Не стало ли 11 сентября 2001 г. началом новой войны, «какой еще никогда не было на земле»?

Международные события конца 2007 г., разумеется, не дали ответа на все эти вопросы. И все же они могут приблизить нас к ним. По сути дела, Вашингтон предложил палестинцам и иранской элите отказаться от идеологически мотивированной политики, которую Ницше назвал *войной истины с ложью тысячелетий и большой политикой*, и вернуться к политике классической, иными словами, к прагматическому поиску решений на основе сопоставления плюсов и минусов, выигрышей и проигрышей. Если эта попытка окажется удачной, то можно надеяться, что XXI в. не повторит судьбу предшествующего столетия. Но если идеологические мифы, и не только на Ближнем Востоке, окажутся сильнее здравого смысла, то остается лишь надеяться, что приближающиеся потрясения не приведут к перемещению гор и долин.

Юрий Федоров

ГЛАЗАМИ КОНСЕРВАТОРА: СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА, ИЛИ ТОРМОЖЕНИЕ НА ВЗЛЕТЕ

Прошедшие 3 месяца – конец 2007 г. и начало нового 2008 г. – оставляют очень странное впечатление. Как будто участники международных отношений, изготовившиеся было к броску, если хотите – к столкновению, вдруг, застыв на мгновение, разом расслабились и решили отложить решение судьбоносных для мира вопросов *на потом*, на после Нового года. Помните, как в фильме Марка Захарова «Убить дракона» Дракон спрашивает Ланцелота: «Ну что, когда начнем? Завтра или с понедельника?» А Ланцелот, которого играет безвременно ушедший Александр Абдулов, по-житейски пожав плечами, говорит: «Давайте с понедельника», как будто речь совсем и не о схватке, в результате которой остаться в живых суждено только одному из участников диалога. И все окружающие разом расслабляются. Понедельник же нескоро.

Нечто похожее произошло в системе международных отношений в конце 2007 г., когда ни одно из давно ожидавшихся и, казалось, решенных событий и действий не произошло, за исключением, пожалуй, давно объявленного решения России о приостановлении действия ДОВСЕ. Не произошло ни вооруженной акции США против Ирана, ни даже внесения вопроса о санкциях в Совет Безопасности ООН. Не произошло вооруженной операции при участии США и Израиля по смене хамасовцев на фатховцев в Газе, которую ожидали со дня на день. Не началась новая гражданская война в Ливане, хотя ситуация исключительно близка к этому. М.Н. Саакашвили, вероятно, посоветовавшись с Государственным департаментом США, в преддверии заранее объявленных демократическими выборов, решил не бряцать оружием в Южной Осетии и в Абхазии, хотя и не отказал себе в удовольствии устроить несколько скандалов. В Ираке не случилось традиционного зимнего всплеска боевой активности против американских войск. Черепашьими темпами, лишаящими ее военной целесообразности, развивается операция турецких войск в иракском Курдистане. США не начали форсировать размещение эле-

А одновременно стало резко расширяться военно-техническое и военно-политическое сотрудничество между НАТО и Азербайджаном, хотя еще недавно лидеров азербайджанской оппозиции с почетом принимали в Вашингтоне и обещали помочь в установлении демократии и западных ценностей. Теперь уже об этом речь не идет, а И.Г. Алиев по приверженности демократии в интерпретации зарубежных СМИ начинает приближаться к В.А. Ющенко.

Вот только тщательно вынашивавшаяся комбинация с превращением Г.М. Бердымухаммедова в светоча демократии, выводящего Туркмению из мрака тоталитаризма к западным нефтяным компаниям, не удалась по причине явного политического таланта и здравого смысла нового туркменского лидера. И это явно портит настроение НАТО и ЕС.

И на Украине качнувшийся было к *мировому сообществу* В.Ф. Янукович был отвергнут, вероятно, в том числе и потому, что встал вопрос о необходимости более жестко контролировать территорию Украины на фоне появления в ЕС новых идей о том, чтобы использовать *незалежную для обходных схем углеводородных коридоров*. Тут, конечно, нужны проверенные кадры, повязанные накрепко, можно сказать, – насмерть.

Еще более знаменательный пример, который может иметь не только региональное, но и глобальное значение: Николя Саркози удалось, несмотря на отчаянное сопротивление европейской бюрократии, *продать* свой *средиземноморский проект*. И это несмотря на то, что *проект Саркози*, фактически, создает в Европе альтернативный центр притяжения, в котором Франция планирует быть центральным элементом. И снова придется констатировать, что *средиземноморский проект Саркози* основан, прежде всего, на попытке установить в регионе единые правила игры в торговле углеводородами. А где торговля – там и транспортировка. Понятно, что если Франция сможет определять *правила игры* в торговле и транспортировке углеводородов в Средиземноморье, где, напомним, присутствует мощная французская военно-морская группировка, то ее положение станет существенно более независимым от того, что говорят в Берлине и Брюсселе.

Однако в данном случае интересно не то, что борьба за углеводороды стала важнее борьбы за демократию и общечеловеческие ценности. И без этого было понятно, что Запад на обломках советской империи интересуют преимущественно природные ресурсы и что рано или поздно основное содержание политики западных государств даст о себе знать. Важно то, что стратегия контроля над углеводородными коридорами теперь начинает приобретать и военный оттенок. Это и идея форсированного приема Грузии и Украины в НАТО, что, как кажется некоторым на Западе, гарантирует безопасность трубопроводов и контроль со стороны прозападных режимов над соответствующими территориями. И это очень важное изменение в идеологии НАТО. Фактически впервые со времен приема в Альянс Турции и Греции публично ставится вопрос о поглощении НАТО, причем форсированном, государств с перманентной внутренней нестабильностью и сомнительной демократической составляющей. Что это, если не публичное признание доминирующего значения углеводородов для мировой политики? Что это, как не демонстрация политической воли или хотя бы ее элементов отстаивать свой контроль над углеводородами с оружием в руках? В пользу именно такого понимания тенденций говорит и новый ренессанс идей о прямом военном присутствии НАТО в Каспийском море. Это же подтверждает и очевидная активизация арктической стратегии США.

В конечном счете, подобный поворот мировой политики хоть и банален, но понятен – политическое присутствие в углеводородных регионах и на путях транспортировки углеводородов выглядит как-то убедительнее, если подкреплено не только и не столько идеями демократии, несколько *большой дубинкой*. И теперь встает вопрос, откуда и как брать *большую дубинку*, например, европейским странам, военный потенциал которых вполне очевиден, однако недостаточен для того, чтобы контролировать территорию (а контроль углеводородных регионов и маршрутов транзита углеводородов – это именно контроль над территорией), тем более на значительном удалении от собственной территории. Ответ на этот вопрос вполне очевиден: это НАТО, сердцевиной которого являются США. Тем более, что в НАТО уже есть доктрина *out of area operations*, которая хотя и официально нацелена на операции в этнических и граж-

шись на процессе расширения НАТО и вытеснения России с постсоветского пространства. ДОВСЕ совершенно закономерно в таких условиях превратился исключительно в средство ограничения военных возможностей Российской Федерации, что и было продемонстрировано президенту Б.Н. Ельцину на пресловутом Стамбульском саммите НАТО. Ведь на Стамбульском саммите за *косметическую адаптацию* Договора даже не под военно-политические потребности России, а под новые и вполне объективные реалии от России потребовали совершенно конкретных уступок, напрямую касавшихся ее военно-политических интересов. И эти уступки были сделаны.

Надо смотреть правде в глаза: ДОВСЕ умер, и умер задолго до того момента, когда Россия ввела мораторий на его соблюдение. И смысла вести диалог с НАТО об условиях возвращения России в ДОВСЕ просто нет. Смысл есть в том, чтобы начать уже сейчас диалог с НАТО о новом режиме, который бы регулировал военно-политические отношения в Европе с учетом новой конфигурации сил и новых политических и технологических реалий. Только вряд ли НАТО на это согласится – ведь так комфортна ситуация откровенной вседозволенности, которую создавал Альянсу ДОВСЕ, что в адаптированной, а тем более – в неадаптированной форме. Проще и приятнее обвинять Россию в вероломстве.

Однако нельзя закрывать глаза и на объективно существующую проблему: впервые за последние 25 лет Европа осталась не только без системы, которая бы регулировала военно-политические отношения на континенте, но и без соответствующего переговорного процесса. И это произошло в тот момент, когда США своим решением разместить в ряде европейских стран системы ПРО впервые с момента падения Берлинской стены вернули Европе значение и статус ТВД. Ведь все, что происходило между 1990 и 2007 гг., вполне ложилось в русло политических маневров и дискуссий. Теперь же, с размещением элементов американской ПРО, Европа становится плацдармом для ведения военных действий. Причем против кого конкретно в данный момент направлен этот плацдарм – вопрос уже следующего порядка. Важен сам факт. Это достаточно деликатный момент с точки зрения стабильности и будущего военного баланса, и было бы крайне желательно для поддержания нынешнего уровня стабильности обеспечить развитие хотя бы самого общего если не переговорного процесса, то хотя бы углубленного диалога по вопросам европейской безопасности и стабильности. И в том случае, если Россия выступит инициатором такого диалога, сможет предложить его формат и механизм, решение о прекращении выполнения условий ДОВСЕ станет не просто политически оправданным, но геополитически дальновидным.

Другой вопрос, что мораторий и даже денонсация ДОВСЕ принципиально не изменят баланс сил в Европе. Это лишь шаг, освобождающий Россию от наиболее унизительной части навязанных в период временной слабости нашей страны обязательств. Но надо смотреть правде в глаза: устранение ДОВСЕ как фактора, определяющего российскую военную политику и политику в области безопасности, не решит проблемы сдерживания НАТО на европейском ТВД. А как теперь становится понятно всем вменяемым политикам и специалистам, результативный диалог с НАТО и тем более – конструктивное партнерство возможны лишь через прямое и достаточно откровенное сдерживание НАТО, будь то ядерное или конвенциональное. Только тогда у натовских политиков возникнут некая потребность в диалоге с Москвой и понимание необходимости учета ее интересов.

С учетом нынешней неспособности России сформировать систему сдерживания на базе обычных вооружений (что, вероятно, сохранится и на обозримую перспективу) необходимо признать, что вести конструктивный диалог с НАТО и проводить политику вовлечения мы можем, только опираясь на ядерное оружие. А это приводит нас к вполне логичному выводу, что проблема взаимоотношений в военно-политической области с нашими европейскими партнерами лежит не столько в плоскости ДОВСЕ, сколько связана с уродливым детищем горбачевского периода – Договором о ракетах средней и меньшей дальности, который уже в момент своего подписания нанес ощутимый урон безопасности страны.

Именно обладая потенциалом средств доставки ядерного оружия средней и промежуточной дальности, можно будет не опасаться за процессы в Европе и сохранение европейской стабильности. Причем совершенно не обязательно размещать этот потенциал в европейской части России. Напротив, он мог бы постоянно размещаться в центре страны, где-нибудь в Приволжско-Уральском военном округе, и перебрасываться – благо, эта техника *авиатранспортабельна* – на европейский ТВД в случае каких-либо затруднений в диалоге с нашими европейскими партнерами и союзниками. Может эта группировка перебрасываться и на дальневосточный ТВД, скажем, для повышения эффективности переговорного процесса с США или укрепления партнерства с каким-либо другим государством, расположенным в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Причем совершенно необязательно этим государством должна быть именно Япония. А главное – много таких ракет и не надо: хватит полутора–двух сотен носителей, что современная Россия вполне может себе позволить.

И никакой гонки вооружений.

НА ФРОНТЕ ПРО – БЕЗ ПЕРЕМЕН

Отсутствие реальных новостей про размещение американской системы ПРО в Европе только подтверждает нашу более раннюю гипотезу: США конфигурируют систему ПРО таким образом, чтобы иметь возможность противопоставить ее российским стратегическим силам, но пока не смогли подойти к той стадии, когда система полностью готова к размещению. В результате возникает то, что в военной науке называется *оперативная пауза*, которую наши американские партнеры весьма умело смогли заполнить *имитацией переговорного процесса*. Странно, что в Москве удивлялись и расстраивались из-за того, что *переговорный процесс* почему-то идет трудно и никаких серьезных предложений США России почему-то не делают.

И ведь нельзя сказать, что переговорный процесс является для американцев всего лишь ширмой для развертывания системы ПРО в Европе. Это было бы большим и опасным упрощением, более того, продемонстрировало бы непонимание современных мотивов внешней и военной политики США. Для США диалог и с Москвой, и со *старой Европой* есть средство продемонстрировать свою кооперативность, не делая при этом уступок. Это диалог на основе формулы: лучше согласиться с позицией США и быть внутри системы, чем протестовать, оказаться вне системы и никак в результате на нее не влиять. Формула, надо сказать, не новая. И Россия с этой формулой неоднократно сталкивалась: и когда ее уговаривали вступить в программу «Партнерство во имя мира», и когда предложили бессмысленный по сути и бесплодный по форме основополагающий акт по взаимоотношениям с НАТО в обмен на отказ от реакции на первую волну расширения Альянса. Предлагают эту формулу и сейчас, когда всячески уговаривают Россию вступить во Всемирную торговую организацию (ВТО). То есть диалог с Москвой или с любым другим неуступчивым партнером для США – не ширма, в которой они в принципе не нуждаются, а инструмент демонстрации безысходности положения партнера по диалогу.

Именно безысходность и демонстрирует нам ход переговоров по ПРО. Безысходность, прежде всего, в том плане, что Москве демонстрируется ее неспособность реально влиять на американскую политику. Причем предложения Москвы отвергаются, даже несмотря на их откровенную выгоду для Вашингтона – тут дело не в Габалинской РЛС, которую, к слову, Вашингтон сможет получить через некоторое время, если захочет, у своего нового союзника И.Г. Алиева и без согласия или вообще какого-либо участия Москвы. Тут дело в том, что Москве откровенно демонстрируют, что ее мнение и предложения в Вашингтоне никого не интересуют и что она либо соглашается участвовать в американской программе, либо у нее не будет возможности не только влиять на развитие этой программы, но и делать вид, что у нее есть это влияние.

Эта тактика американцев может быть смело названа *вовлечение через иллюзию влияния*, а главное – она уже неоднократно применялась в разных ситуациях и применяется и в настоящее время. Ровно так же нам предлагают поучаствовать в дебатах по Косово с целью легитимизировать независимость этого натовского протектората; на амери-

канских условиях, разумеется, вступить в ВТО; согласиться с новой углеводородной политикой ЕС, с американской силовой политикой в отношении Ирана. И за все это предлагается получить *иллюзию влияния*, в рамках которой Вашингтон будет всячески подчеркивать роль России в *конструктивном разрешении* той или иной конфликтной ситуации. Именно так в свое время нас благодарили за *конструктивное участие* в разрешении внутривнутриполитического кризиса в Грузии, в ходе которого США, в том числе нашими руками, привели к власти еще более, нежели Э.А. Шеварднадзе, антироссийски настроенного М.Н. Саакашвили. Горький опыт *конструктивного партнерства* с США последних 15 лет должен нас научить тому, что, чтобы жить в реальности, надо уметь жертвовать видимостью.

Мораль из этого очень простая: не надо думать, что влиять на США нельзя. Влиять на США можно и нужно, но не за столом переговоров, а путем точечных, иногда – силовых действий, причем не только военно-политических, но и экономических. Которые бы объясняли, если хотите – доказывали нашим американским партнерам ценность партнерства с Россией и ошибочность позиции тех в Вашингтоне, кто считает, что этим партнерством можно пожертвовать. Но за столом переговоров нужно расслабляться и терпеливо выслушивать разглагольствования американцев о стратегической стабильности, нераспространении ОМУ и поучения о том, как строить демократию. Следует уважать чужие этнографические особенности. А потом в тиши кабинетов военных стратегов и конструкторских бюро спокойно и без крика, а возможно – и без сообщений в СМИ разрабатывать новые ракеты и планы их боевого применения.

ИРАК: СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?

Говорят, что ситуация в Ираке существенно улучшилась и что в процессе *стабилизации* начал виднеться *свет в конце тоннеля*. Отчасти это правда. Надо признать, что американцам удалось, с одной стороны, снизить масштабы боевой активности суннитских боевиков, во всяком случае применительно к собственным военным. А с другой – добиться изоляции радикальных исламистов, тех, кого называют сторонниками *Аль-Каиды*, в среде антиамериканских сил. Успех этот вряд ли можно считать стратегическим, поскольку снижение боевой активности суннитских исламистов слабо влияет на возможность формирования в Ираке дееспособной власти, а только дееспособная власть, возможно, еще более жестокая, нежели режим Саддама Хусейна, сможет превратить Ирак в более-менее стабильное государство. До этого еще далеко, и есть большие сомнения, что это в принципе можно сделать.

Хотя надо признать, что определенно-го стратегического успеха США в Ираке все же достигли. Спад активности исламистов в Ираке говорит, прежде всего, о том, что у них нет возможности поддерживать численность воюющих против американцев в Ираке иностранных боевиков, а именно они являются наиболее бесспособной частью исламистов в Ираке, на прежнем

 Чжие Цзи (КНР), директор Института исследования России – по телефону из Пекина: Продолжается решение северокорейского ядерного вопроса, последнее выступление американской разведки по Ирану также может снизить угрозу. Отправляются миротворцы в Судан, и это должно повысить безопасность в Восточной Африке. Новое правительство Японии намного мягче предыдущего в вопросах международных отношений, что позитивно сказывается на климате в нашем регионе. Продолжающаяся конфронтация в Мьянме и попытка переворота в Филиппинах, хотя в данном случае все окончилось быстро, негативно сказались на политической ситуации в Юго-Восточной Азии, ведь сейчас сложно сказать, где кончаются внутренние проблемы и начинаются международные.

уровне. По всем оценкам, количество иностранных боевиков в Ираке постоянно падало в последние полгода, а в последние три месяца это уже откровенно привело к существенному сокращению боевой активности антиамериканских сил. Насколько данная тенденция сохранится на будущее – не ясно, ибо США вынуждены по финансовым соображениям и из-за усталости войск сокращать численность группировки, однако как минимум временный успех налицо.

Однако надо посмотреть на складывающуюся ситуацию в более широком контексте. Согласившись с долгосрочной нестабильностью в Ираке и весьма немалыми потерями среди американских военнослужащих, США превратили Ирак в некий *пылесос*, который высосал всех потенциальных боевиков-исламистов не только из стран Ближнего Востока, но и из Пакистана, стран Юго-Восточной Азии. Причем *высосал* и потом перемолол огнем американской армии в самую малоценную, если этот термин имеет право на существование применительно к нефтедобывающей стране, часть Ближнего Востока. Так что убитые американцами в Ираке исламисты уже никогда не смогут угрожать Израилю, Турции, Египту, а главное – Саудовской Аравии. В результате *иракского котла* США смогли серьезно снизить давление исламистов на своих ближневосточных союзников, возможно, предотвратив исламский переворот в саудитском королевстве и, вероятно, в Египте.

Вряд ли этот замысел существовал в Вашингтоне изначально. Скорее, в США к нему пришли после того, как стало ясно, что долгосрочной нестабильности в Ираке не избежать, а параллельно придется готовиться к операции против Ирана. Что и говорить – маневр, совершенный американцами, выглядит пока неплохо, тем более что дает возможность почти не опасаться удара в спину в случае начала войны против Ирана. Но и это еще не все – фактически, разжигая гражданскую войну в Ираке, США до предела обострили противоречия между шиитами и суннитами, причем не только иракскими. И теперь уже только наивный может рассуждать о возможности преодоления исторических противоречий между двумя ветвями ислама. А ведь именно этот вопрос все-таки обсуждался сразу после терактов 11 сентября 2001 г. и именно этот процесс – отчетливо проявившийся и в появлении *Аль-Каиды*, и в усилении *Хизбаллы*, и в движении *Талибан*, и в ряде других явлений – рассматривался в качестве магистрального в развитии исламского мира. И именно этот процесс, если бы он пошел достаточно далеко, мог создать реальную угрозу для позиций США в исламском мире, а главное – в нефтеперерабатывающих странах, контролирующихся прозападными режимами.

Вот только цену за реализацию данного сценария американской администрации пришлось заплатить очень и очень немалую. И эта цена – не столько жизни американских солдат и мирных иракцев, перемолотые в мясорубке внутреннего конфликта. Эта цена – возникший впервые со времен Уотергейтского скандала глубокий раскол в американской элите. Хотя, если республиканцам удастся тем или иным способом привести своего представителя в Белый дом, что сейчас уже не представляется столь безнадежным делом, как это было полтора года назад, то и эта цена будет оправданной. Но если республиканцы потеряют Белый дом, то это будет очень серьезное и почти стратегическое поражение, которое будет иметь для США откровенно глобальные последствия.

ИРАН: И ТОЖЕ СВЕТ В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ?

На фоне относительной стабилизации в Ираке вроде бы обозначилась перспектива избежать вооруженной акции США против Ирана. Паровоз американской дипломатии, уверенно кативший к введению всеобъемлющих санкций против Ирана, а затем – и к вооруженной акции против этой страны, вдруг неожиданно затормозил. Причем в тот момент, когда, казалось бы, смысла для этого просто не было: ситуация в Ираке более стабильна, чем когда либо, если применительно к Ираку можно вообще говорить о стабильности. Европейские союзники Вашингтона менее, чем когда-либо за последние 15 лет, склонны намекать на свою самостоятельность. Китай занят решением вопроса о расширении экспорта игрушек в США. Так что Россия осталась практически в одиноч-

С материалами по иранской ядерной программе Вы также можете ознакомиться в разделе «Ресурсы по странам – Иран» интернет-представительства ПИР-Центра по адресу <http://pircenter.org/view/iran>

тве со своими призывами к здравому смыслу и следованию логике международного права. И тем не менее, Вашингтон явно затормозил.

Только очень наивный человек будет считать, что операция США против Ирана была остановлена докладом ЦРУ, в котором утверждалось, что Те-

геран прекратил реализацию своей ядерной программы несколько лет назад. Но столь же наивным было бы полагать, что вбросом доклада по ядерной программе Ирана ЦРУ просто рассчиталось с вашингтонскими неоконсерваторами за скандальное и очень болезненное для американской разведки дело *Валерии Плейм*. Этот фактор явно имел место, но вряд ли он мог быть основным.

В данном случае дело, вероятно, в другом: доклад ЦРУ продемонстрировал, что американские разведчики почти открыто подыграли тем в американской элите (и вряд ли это люди, находящиеся в современной американской администрации), кто очень не хотел бы, чтобы выборы в США прошли под аккомпанемент бомбардировок Ирана и тем более – наземной операции. Ибо только в таком случае республиканцы смогут опираться на свой излюбленный козырь – апелляцию к патриотическим чувствам нации, а может быть – и задействовать те административные ресурсы, которые они накопили за последние восемь лет, включая и возможность откровенного давления на СМИ. Ведь в условиях войны против Ирана – а то, что администрация Джорджа Буша в Иране была нацелена именно на солидную войну, эффект которой продолжался бы месяцы, а не на булавочный укол, про который все забыли бы через неделю, очевидно – все ныне мощные позиции Демократической партии США, основанные, в сущности, на борьбе за вывод войск из Ирака, окажутся всего лишь *крепостями из песка*. В период войны ни один политик в США никогда не рискнет выступать против действующей власти. Вспомним, как Хиллари Клинтон в 2003 г. активно поддержала войну против Ирака. А призрак экономического кризиса отступит перед образом зловещего иранского президента с атомной бомбой в руках, который к тому же отрицает Холокост.

Но если ЦРУ так откровенно играет против действующего президента, то вполне разумно будет сделать вывод о том, что противоречия в современной американской элите подошли к той незримой черте, после которой случаются самые странные события в американской истории. А у нынешней администрации слишком много *скелетов в шкафу* для того, чтобы обострять внутриполитическую ситуацию, да еще и на фоне откровенного внутриэкономического кризиса.

И думается, именно это обстоятельство и является ключевым для понимания того, почему так странно снизилась острота проблемы иранской ядерной программы для американской администрации. Иранская программа обогащения урана – даже если у нее и обнаружится военно-прикладной аспект – не стоит того, чтобы дестабилизировать внутривнутриполитическую, вернее, внутривнутриэлитную ситуацию в США. Ибо относительная внутривнутриполитическая стабильность в этой стране, где последние два раза победа на выборах доставалась кандидату от Республиканской партии *на грани*, а может быть – и за *гранью* фола, достигалась именно единством политической элиты, которая, в сущности, и решила восемь лет назад, что Джордж Буш приемлемее Альберта Гора. И, наконец, именно поэтому даже вашингтонские неоконсерваторы были вынуждены на время отставить в сторону свои мессианские планы. И это хорошо – ибо показывается, что основные механизмы американской демократии продолжают действовать, а США остаются – по крайней мере, в ближайшем будущем – вполне вменяемой мировой силой.

ПАКИСТАН: НЕТ СВЕТА В КОНЦЕ ТОННЕЛЯ

В конце 2007 г. стало очевидно, что Пакистан становится полноценной горячей точкой. Если взглянуть на ситуацию объективно, то нестабильность в Пакистане уже начала приближаться к уровню Афганистана. Во всяком случае, как и в Афганистане, в Паки-

стане начали образовываться анклав, которые уже никак – даже формально – не контролируются центральным правительством. Не говоря уже о постоянных террористических актах в городах и перманентной политической нестабильности. И гибель бывшего премьер-министра Беназир Бхутто лишь усугубила это положение.

Понятно, что вне зависимости от того, кто конкретно отдал приказ об убийстве Беназир Бхутто, это событие неминуемо обрстет слухами, разговорами, сплетнями и станет долгосрочным фактором дестабилизации ситуации в Пакистане. Никто никогда не поверит, что власти и лично президент Первез Мушарраф не имели отношения к покушению. Однако мы не должны упускать из вида главное: дестабилизация ситуации в Пакистане началась задолго до убийства Беназир Бхутто, биография которой, в частности, обилие трупов на ее жизненном пути (включая ее двух братьев), как-то не дает возможности признать ее мученицей, отдавшей жизнь за идеалы демократии. Более того – без всякой связи с политической деятельностью Беназир Бхутто, которая, конечно, планировала по западным столицам, едва ли имела возможность активно влиять на ситуацию внутри Пакистана, несмотря на наличие большого числа сторонников.

Пакистан в 2007 г. и особенно в его второй половине столкнулся одновременно с целым рядом мощных вызовов государственности и центробежных факторов, в рамках которых даже нарастающая активность исламистов, якобы связанных с *Аль-Каидой*, не говоря уже о деятельности *демократов* вроде Беназир Бхутто и Наваза Шарифа, не является самым главным вызовом. Нельзя забывать и нарастающий племенной сепаратизм, который власти не могут подавить ни уговорами, ни применением военной силы, экономический коллапс, а главное – сильно напоминающие ситуацию в Иране 1977–1978 гг. процессы обвальной исламизации молодежи. Фактически единственной опорой государства, которая обеспечивает минимальную стабильность, вернее, ее видимость, является армия.

Речь идет о том, что очень по многим параметрам, прежде всего, с точки зрения устойчивости государственной системы, Пакистан можно смело отнести к *несостоявшемуся государству*, тем более, что для этого есть серьезные основания: опыт пакистанской государственности за последние 60 лет доказывает, что относительное благополучие, вернее, спокойствие достигается за счет *ручного управления* со стороны *силовики*. В тот момент, когда контроль *силовики* над страной ослабевал и когда начинали хотя бы имитироваться элементы гражданского управления, ситуация достаточно быстро ухудшалась.

Но теперь ситуация остается нестабильной даже в условиях сравнительно жесткого контроля *силовики* над страной. И это говорит о том, что эрозии подвергаются уже сами основы пакистанской государственности. Может быть, потому, что исторически пакистанская государственность поддерживалась за счет конфронтации с Индией и по мере того, как отношения двух государств если не улучшаются, то смягчаются, один из краеугольных камней государственности теряет свою прочность?

Надо признать, что вопрос о будущем Пакистана является одним из наиболее значимых вызовов мировому сообществу. И дело, вероятно, не только в ядерном оружии, в отношении которого, думается, есть определенные договоренности между Исламабадом и Вашингтоном. Дело в том, что нестабильность в Пакистане является стимулом к нестабильности на всем Среднем Востоке. В том числе и потому, что именно Пакистан с учетом высокой численности населения молодых возрастов и полным отсутствием экономических и социальных перспектив может стать источником новой волны воинствующего ислама подобно Ирану конца 1970-х гг., Египту середины 1980-х гг. и Йемену начала 1990-х гг.

Но *пакистанский вызов* мировому сообществу глубже. Он затрагивает глубинные основы международных отношений. Он заставляет поставить вопрос о том, насколько уместна демократизация таких обществ, как Пакистан (который, напомним, граничит с самой большой демократией в мире – Индией), а насколько мировое сообщество должно способствовать в ряде случаев консервации авторитарных режимов. Кстати, предпринятые под давлением Запада попытки демократизации Кении привели к тому, что это го-

сударство, бывшее синонимом стабильности в Африке, почти погрузилось в пучину гражданской войны. Также весьма опасный симптом.

Вопросов, на которые требуется ответить, много. Например, какая степень авторитаризма и милитаризма допустима для таких режимов? Как можно, фактически поддерживая авторитаризм ради стабильности в подобных государствах, ограничивать их внешнеполитические амбиции, ибо авторитарный режим, осознающий свою внутреннюю слабость, всегда и везде будет склонен к экспансионизму? Так что история Пакистана преподала и, вероятно, еще преподаст мировым державам большой и жестокий урок. Вот только будет ли он выучен?

КОСОВСКАЯ МИНА ПОД ЕДИНУЮ ЕВРОПУ

Ситуация вокруг Косово – это виртуальный геополитический пат с заранее известным исходом. Ведь ни у кого нет серьезных сомнений, что независимость края рано или поздно будет признана, причем по сценарию, написанному в США. Всем понятно, что Белград, повозмущавшись, согласится с независимостью Косово так же, как сербы в свое время согласились с распадом бывшей Югославии и потерей самостоятельности сербских анклавов в Боснии. Ибо для сербских властей, да и сербского общества в целом стремление занять свое место в Европе, даже если это будет место строительных рабочих, мусорщиков и официантов, куда более интересно, нежели отстаивание неких национальных идеалов и территориальной целостности. Не тот контингент.

Все крупные мировые игроки, включая Россию, это понимают, однако делают вид, что идет упорная борьба за то, каким будет пресловутый *косовский прецедент* и кто сможет его в дальнейшем использовать в свою пользу. А ответ ужасно прост – *косовский прецедент* вне зависимости от того, как юридически и политически будет оформлено территориальное расчленение Сербии, с пользой для себя использует тот, кто будет обладать политической волей, чтобы принять соответствующее решение, и силой, чтобы отстоять принятое решение. А таких сил в мире не так уж и много.

Что до политического характера *косовского прецедента*, то все возражения наших западных партнеров против его распространения на Абхазию, Южную Осетию и Приднестровье выглядят как-то странно. В конечном счете, Косово – это пример ситуации, когда независимости добивается фактически *марионеточное* государство, отторгнутое от территории суверенного государства, признанного ООН в результате прямой и откровенной внешней агрессии. В этом смысле Косово – это европейский вариант Манчжоу-Го, *марионеточного* государства, отчлененного японскими агрессорами от суверенного Китая со всеми вытекающими последствиями. Абхазия, Южная Осетия и Приднестровье – это примеры ситуаций, когда народы с оружием в руках отстаивали свое право на национальную независимость в борьбе против фактически политики геноцида со стороны *титულных* государств. И они имеют право на собственную государственность в той или иной форме гораздо больше, нежели прикрывающиеся натовскими штыками косовары.

Но главное, вероятно, состоит в том, что под *единую Европу* руками самих европейцев закладывается большая *мина* в виде *Великой Албании*. *Великой Албании*, основанной на криминале, наркоторговле, возможно, в будущем исламизированной и являющейся источником постоянной нестабильности в *мягком подбрюшье* Европы. Имея под собой такую *мину*, ЕС, который уже разделился на *Старую Европу* и *Малую Антанту*, а Лиссабонский прорыв лишь частично смягчил этот раскол, будет постоянно нуждаться не только в НАТО как факторе, который обеспечивает хотя бы видимость стабильности в Косово, а также – Боснии-Герцеговине, про которую все стали благополучно забывать. ЕС будет всегда нуждаться в посредничестве США в отношениях с албанцами, которые после провозглашения независимости Косово станут крупнейшей трансграничной силой, влияние которой будет несравнимо большим, нежели влияние и статус государства, именуемого Албания. А главное – влияние которого будет заведомо деструктивным, учитывая те страты европейского общества, которые албанцы в основном

стремятся занять. Видимо, именно понимание этих возможных последствий и подвигло некоторых членов ЕС на то, чтобы притормозить безостановочное движение ЕС к признанию косовской независимости. Только вряд ли это что-то сможет изменить в стратегическом плане.

В конечном счете, если европейцы – или, как минимум, часть европейцев – хотят своими руками заложить под себя *косовскую мину*, то почему Россия должна их от этого удерживать? И в данном случае неважно, почему ЕС так стремится побыстрее оформить юридически независимость Косово: по геополитической недалёковидности или же из желания сделать приятное своим американским партнерам. Это не наше дело, это не наша проблема. Это – проблема *единой Европы* и сербов, которые мечтают в эту *единую Европу* попасть. А мы должны, оценив те последствия, которые действия США несут для будущего системы международных отношений, сохранить максимальную свободу рук в отношении, прежде всего, постсоветского пространства. Но при этом нам следует точно осознавать, что за *мина* лежит теперь под Европой, мы должны понимать, что эта *мина* рано или поздно взорвется и что осколки этой мины могут долететь не только до Рима и Берлина, но и до Москвы, если вовремя не выстроить новую европейскую стратегию.

Но использовать в своих интересах *косовский прецедент*, эту новую политическую реальность, Россия должна там и тогда, где и когда это принесет ей наибольшую геополитическую выгоду. И с этой точки зрения очень интересен нашумевший доклад аналитической группы *Stratfor*, связанный, по слухам, с американскими *компетентными органами*, призывающий Россию скорейшим образом признать независимость непризнанных государств¹⁴. Если такие эксперты призывают Россию в выборный год и в России, и в США пойти на конфронтацию с Западом, то это значит, что конфронтация с Россией именно сейчас и именно по данному вопросу будет наиболее выгодна для Запада. А это, в свою очередь, значит, что делать такой подарок нашим западным партнерам точно не стоит. Любое действие России по косовскому прецеденту должно приводить к еще большему разобщению ее оппонентов, а не к их консолидации. И не стоит бояться, что *косовский прецедент* утратит свое значение: Косово – это *всерьез и надолго*, и мы еще успеем использовать недалёковидность европейцев и цинизм американцев в своих интересах.

СТРАХ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ

Сравнительно благостный конец 2007 г. внушает оптимизм. Он дает надежду, что в системе международных отношений начинает проявляться некий страх перед последствиями принимаемых решений. Это очень важно, ибо именно на страхе базируется стабильность, что бы там ни говорили сторонники романтического и либерального подходов к международным отношениям. Ведь именно страх за последствия своих действий и является, возможно, единственной универсальной общечеловеческой ценностью во внешней политике. Именно страх останавливает, хотя и не всегда, воинствующих фанатиков той или иной идеологии, претендующей на глобальный и всеобъемлющий характер. И именно способность воплотить страх за последствия своих действий в практические политические действия и называется красивым термином «ответственность политика».

Именно на страхе базировалась мировая стабильность периода холодной войны, которая, нравится это кому-то или нет, все же остается наиболее длительным историческим периодом, когда человечество жило без крупных войн. И когда говорят о возможности наступления *новой холодной войны*, то не всегда понимают, что говорят о возможности наступления долгого мира, когда поведением политиков будут управлять не мессианские настроения, а страх, или *ответственность политика*, – это уж как кому приятнее. Но нельзя забывать, что *долгий мир*, вероятно, возможен только после большой войны. Во всяком случае, в истории бывало в основном именно так.

Когда-то на закате горбачевской эпохи Андрей Макаревич спел странную песню «В круге света», в которой были еще более странные слова: «Если все вокруг говорят о мире,

значит, дело идет к войне». Вам не кажется, что вокруг все больше и больше говорят о мире? Если кто забыл: Дракон и Ланцелот все же начали с понедельника. Ланцелот не без сложностей, но убил Дракона, и в городе воцарился такой бардак, что самым вменяемым персонажем на этом празднике добра, справедливости и общечеловеческих ценностей оказался сумасшедший Бургомистр.

Ничего не напоминает?

Дмитрий Евстафьев

Примечания

¹ Joint Understanding Read by President Bush at Annapolis Conference. 2007, November 27. Memorial Hall United States Naval Academy. Annapolis, Maryland. Released by the White House, Office of the Press Secretary.

² Дословный перевод американского названия такого рода документов «National intelligence estimate» – «национальная разведывательная оценка» – выглядит совершенно невразумительно. Поэтому можно было бы использовать принятый в советском и российском бюрократическом жаргоне термин «записка» или «аналитическая записка» для обозначения аналогичных по своему назначению документов, подготовленных теми или иными ведомствами для высшего руководства государства.

³ Iran: Nuclear Intentions and Capabilities. *National Intelligence Estimate*. 2007, November. National Intelligence Council. P. 8.

⁴ Ibid. P.7.

⁵ Iranian economists blame president for economic woes despite huge oil revenues. *International Herald Tribune*. 2007, July 14. <http://www.ihf.com/articles /ap/ 2007/07/14/africa/ME-GEN-Iran-Economic-Woes.php> (последнее посещение – 10 января 2008 г.).

⁶ Templer Robert. Military Rule Will Not Quell Pakistan's Islamists. *Financial Times*. 2007, 16 November.

⁷ Tacit bargaining – негласный торг, секретные переговоры.

⁸ Elections, Democracy and Stability in Pakistan. International Crisis Group. *Asia Report N 137*. 2007, 31 July. P. 1.

⁹ MacAskill Ewen. Pentagon readies plans for Pakistan's nuclear arsenal. *Guardian*. 2007, December 28.

¹⁰ Доклад Генерального секретаря о Миссии ООН по делам временной администрации в Косово. S/2007/768. Distr. 3 January 2008. P. 9 (на русском языке).

¹¹ Путин Владимир. Интервью журналу *Тайм*. 2007, 12 декабря. http://www.president.kremlin.ru/appears/2007/12/19/1607_type63379_154772.shtml (последнее посещение – 10 января 2008 г.).

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ См. Annual Forecast 2008: Beyond the Jihadist War. Stratfor. 2007, January 8. P.10. http://web.stratfor.com/images/writers/STRATFOR_Annual_1_08.pdf (последнее посещение - 20 января 2008 г.).